

Ирэн Роздобудько

Последний бриллиант миледи

Пролог

«На этот раз не выкарабкаться. Наверное, умру...» — мелькнула мысль. Тело не хотело слушаться. Она подняла руку и с трудом открыла глаза. В слабом свете, проникающем сквозь плотные шторы, ладонь показалась ей совсем белой. Она пошевелила пальцами. И вдруг вспомнила, что такой же бессознательный и незащитный жест она уже наблюдала много лет назад, стоя у колыбели своего трехмесячного сына. Малыш точно так же водил пухленькой ручкой перед своим лицом и внимательно разглядывал свои пальчики. Господи, все возвращается на круги своя, и на старости лет наблюдение за собственной рукой становится небывалым открытием. Какую невероятную эволюцию прошла эта рука, прежде чем стать высохшей старческой конечностью — незащитной и беспомощной!

Сколько колец сносили эти пальцы — бриллиантовых, рубиновых, изумрудных! Сколько раз сжимали они рукоятки кинжалов, плетей, револьверов! Как умели окунаться в кудри любовников — маркизов, графов, сорвиголов и

дерзких подданных! Каждый палец — отдельная история.

Она улыбнулась. Ей всегда хотелось умереть с улыбкой на лице.

Где-то вдали шуршало море. В эту пору — в пять утра — оно всегда шуршало, как страницы книги, забытой в саду. Она знала, что в семь наступит штиль и тогда ни один звук не проникнет в ущелье. И эта грядущая тишина впервые испугала ее. Хотя она никогда не знала этого гаденького чувства и никогда не рассчитывала дожить хотя бы до тридцати четырех. Но судьба распорядилась иначе. Видели бы ее сейчас соотечественники и бывшие многочисленные враги! Правда, большинство из них — если не все! — уже далеко... И совсем скоро будут встречать ее в преисподней. И, видимо, обрадуются. Пусть радуются. Она бы тоже радовалась встрече даже с заклятыми врагами. Тяжело осознавать, что жизнь кончена, а еще тяжелее думать о том, что сейчас — другие времена, другие люди и нравы, и никому нет дела до ее былых побед, ее страстей, приключений. Нет свидетелей всего этого. Ведь кто из ее бывших знакомцев мог похвалиться, что дожил почти до восьмидесяти? Кто теперь, кроме нее, знает всю правду?

Какой-то парижский болван издал, правда, бульварный романчик, в котором она узнала себя —

хищную блондинку погибающую от руки четырех дерзких палачей. Дудки! Поторопился... Это она, именно она пережила их всех. Если бы хватило сил, доказала бы писаке, что она еще жива и еще способна защищаться. И поведала бы всему миру совсем другую историю об обольстительной и умной женщине, чуть ли не единственной при дворе, кто увлекался астрологией и математикой.

А какой представил ее тот болван? Все перепутал, сместил во времени. Все — выдумал...

Она почувствовала, что голова начинает болеть еще сильнее. Чтобы отвлечься, снова и снова вызывала из небытия тени и улыбалась своим мыслям.

Господи, думала она, видел ли тот парижский бумагомарака хоть раз в жизни настоящего гасконца? По крайней мере, ТОТ был совсем невзрачный, и употреблял в фехтовании коварный приемчик, неожиданно перебрасывая шпагу из правой руки в левую. А как он добивался ее! Пылкий смуглый маленький гасконец...

А обжора-толстяк с вечно потными ладонями! Разве он мог справиться хотя бы с одним гвардейцем? И что бы делал этот мешок, если бы не потайной защитный жилет, сшитый его престарелой любовницей!

А утонченный горе-аристократ, обладатель трех титулов и владелец полуразрушенных

замков... Да он мылся раз в два года! А когда увидел, как часто это делает она, поспешил объявить ее ведьмой, ведь привык прикасаться только к жирным телесам своих крестьянок.

Единственным из всей компании этих ярких вояк-сорвиголов, кто умел связать два слова, был красавец-интриган с душой святоши и тонкими губами иезуита.

Каждый из них ухаживал за ней, обезумев от страсти, угрожал самоубийством, прельщал обещаниями... А получив отпор, все четверо сговорились расправиться с ней — гордой, неукротимой и греховно красивой. Но — не удалось!

Вот и вся история. Вот и вся легенда о краже бриллиантовых подвесок. Это были ЕЕ подвески. Господи, снова улыбнулась она, подавляя очередной приступ боли, как тиски, сжимающей мозг, Господи, если бы тот франт-писака имел бы возможность видеть ее, говорить с ней, коснуться ее белой руки — разве он написал бы о ней такое? О, это была бы совсем другая история! Что ж, возможно, кто-то ее еще напишет...

Шелест моря постепенно стихал. Значит, прошло не менее полутора часов. И сейчас войдет Мария со стаканом теплого молока. Но на этот раз она его не выпьет — в гости к Богу легче идти с пустым желудком.

Она пригладила свои короткие волосы, вспомнила, как возмущалась ее прической женская половина местного населения, как захлопывались окна и двери, когда она в кожаной шляпе с широкими полями верхом въезжала в это забытое Богом селение, как крестились, глядя ей вслед, мужчины: «Дьяволица!» Даже ее одинокий дом на берегу моря прозвали «чертовым» и обходили десятой дорогой. Дом и правда напоминал логово: полное запустение. Единственная ценность — обитая бархатом шкатулка. Та самая... Кстати, надо сделать последние распоряжения...

— Марион! — крикнула она в темноту слабым голосом и услышала за дверью грузные шаги старой служанки.

Женщина робко вошла, моргая сонными глазами. Поставила у кровати поднос со стаканом молока и почтительно остановилась.

— Марион, подай-ка мне ту шкатулку, — велела хозяйка. — И уходи. Недолго тебе осталось ждать...

Мария подала шкатулку, перекрестилась и покорно вышла.

Она сняла с шеи шнурок с маленьким серебряным ключом. Каждое движение вызывало новый приступ боли. Наконец она сумела откинуть крышку.

Крупный бриллиант замерцал перед глазами тусклым живым блеском...

Вообще-то писака не ошибся — их когда-то действительно было ровно двенадцать. На одиннадцать она безбедно прожила свою бурную жизнь. И вот остался один. Самый яркий. Она именовала его «Герцог Бэкингем». Дрожащей рукой старуха бережно обернула камень платком, туго обвязала бечевкой, вложила в шкатулку поменьше и снова перевязала сверток. Кликнула служанку.

— Марион, передай это моему внуку, когда он придет, после... Ты понимаешь, о чем я... Он придет обязательно. Не может не приехать. Он знает, что здесь. А если ты что-то сделаешь не так — я достану тебя из-под земли!

— Господь с вами, госпожа! — перекрестилась служанка. — Господин доктор сказал, что после кровопускания, возможно, все обойдется...

— Не мели чепухи! — остановила она. — Мой час близок — я это чувствую. Иди прочь!

Она откинулась на подушки и снова закрыла глаза. Сразу же услышала знакомый звук. Она давно уже привыкла к нему и не обращала на него внимания. Это не был шелест моря или деревьев, окружающих дом: жилище кишело крысами и мышами, которые постоянно грызлись между

собой, отвоевывая лучшую территорию. Они не добрались бы до этой спальни, ведь Мария регулярно обкладывала все уголки комнаты ядом.

«Скоро здесь не останется никого, — подумала она. — Подождите... Будете полными хозяевами...»

Словно в ответ на эти мысли скрежет прекратился. Если бы она могла видеть лучше, то заметила бы, как из-за старого комода вынырнула острая мордочка крысиной мамыши. Она шевелила длинными влажными усами и внимательно, почти по-человечески, смотрела на старуху. А та уже летела по длинному тоннелю и с каждым метром полета на уровне угасающего сознания чувствовала, как меняется ее земная оболочка, каким легким и гибким становится уставшее тело. Вот она — шестидесятилетняя атаманша местных контрабандистов, еще способная соблазнять: широкий кожаный корсет, высокие сапоги, коротко подстриженные, еще не седые волосы, подкрашенные хной. Вот — сорокалетняя женщина, убегающая — всегда убегает! — от армии хищных святош, вот — прелестная молодая авантюристка, лучшая танцовщица при дворе: голубое платье, золотая волна длинных волос, всегда выбивающихся из-под бархатного берета. Вот — девица, веселая вдова старого маршала, любовница короля, черный рок кардинала, огонек,

на который слетаются умнейшие люди столетия. А вот уже — ничто...

Тусклый нездешний воздух растворяет в себе беззащитное тело. Боль отступает. Господи, как хорошо... Тоннель закончился.

Крысиная мамаша поняла, что старуха уже далеко, что больше она не испугает ее брошенной в угол тапкой. Крыса крепко ухватилась за складки простыни и начала подбираться к бледной старческой руке...

Часть первая

Белые нитки

* * *

В последнее время Влада боялась подниматься в лифте и поэтому преодолевала четырнадцать этажей пешком. Это занимало минут десять. Но лучше таких десять, чем западня на часок в темном сломанном лифте, как это было недавно. В тот раз она стояла в крошечной темноте просторной грузовой кабины и прислушивалась: в какой-то миг ей показалось, что в противоположном углу этого замкнутого пространства кто-то тяжело дышит... Это было ужасно!

На этот раз Влада несла тяжелую сумку с продуктами, но страх замкнутого пространства все же погнал ее вверх пешком.

На десятом этаже она остановилась у окна, решила закурить и перевести дух. Задумалась, остановив взгляд на хвостиках зеленого лука, торчавших из сумки. Вот и весна. Первая зелень. Вторая весна без Жанны. Следствие все еще вяло ведется, но Влада чувствовала, что оно не даст никаких результатов.

Сегодня они с Максом будут отмечать вторую годовщину ее исчезновения. И, возможно, в этот раз уже не будет так грустно, как в позапрошлом году, когда у Макса случился первый припадок. Тогда она смогла отвоевать его у ужасной серо-синей бригады санитаров, доказать, что она сама в состоянии позаботиться о нем и быстро поставить его на ноги. Хорошо, что он — какой-никакой — рядом с ней.

Снизу послышались чьи-то шаги. Влада быстро потушила сигарету о подоконник, невольно читая надпись, выжженную зажигалкой: «Макс + Жанна...», и грустно покачала головой — как давно это было!

Влада открыла дверь, не снимая ботинок, прошла в кухню, которую от просторной комнаты-студии отделяла овальная арка. Год назад она наконец-то смогла сделать шикарный ремонт в

этой трехкомнатной квартире, доставшейся им с Жанной от родителей. Те все-таки решили поселиться на природе, в одном из пригородов.

Она спланировала эту квартиру в «американском стиле»: стены и всяческие закоулки, антресоли и кладовки были безжалостно разрушены. Ничего лишнего. Ничего, что напоминало бы о прошлом. Вместо доисторических ковров, которые так любила мама, — картины, фотографии в дорогих рамах. Диван и кресла расположены посередине комнаты, шкафы-купе для одежды и обуви почти не заметны, огромный книжный стеллаж — единственный признак вкусов хозяйки.

Механически, по привычке, Влада нажала на кнопку пульта и включила телевизор, достала из холодильника банку пива «Хайнекен», с удовольствием погрузилась в большое мягкое кресло и, положив скрещенные ноги на стол, закрыла глаза. Минут десять она просидела так, попивая пиво, прислушиваясь к звукам, доносившимся от экрана. Каким будет нынешний вечер? Не напрасны ли все ее усилия?

Влада встала и взялась наконец разгружать свою сумку. На столе выросли привлекательные кучки первых весенних овощей — красные помидоры, ярко-зеленые, как молодые крокодильчики, шершавые огурцы, нежные

полупрозрачные листья салата. Все это напоминало пластиковые муляжи — слишком красивое и совершенно без запаха. Одним словом — продукты из супермаркета: форма без содержания. Вслед за всем этим она достала из сумки другие деликатесы — грибы, копченые куриные окорочка, «морские коктейли», оливки...

Спустя полчаса стол, накрытый на двоих, засветился отблесками язычков пламени свечей в хрустальных бокалах и салатницах. Все было готово. Влада открыла шкаф и выбрала бледно-розовое платье, собрала длинные волосы на затылке и почувствовала, как стучит сердце...

Бедный Макс! О чем он думает сейчас? Сможет ли он вести себя адекватно, или ей придется опять сдерживать его?

Влада замерла перед книжным стеллажом, вмонтированным в стену. Казалось, она выбирает себе книгу — их тут было несколько сотен. Собрать библиотеку начал отец еще в те времена, когда в магазинах не было ничего, кроме томов классиков марксизма, а за настоящей литературой надо было ехать в дальнюю лесополосу, пробираться тайной тропой к поляне, на которой толпились книголюбы и спекулянты. Продолжил это дело Макс, когда благодаря билету члена Союза писателей приобщился к писательскому магазину. А последние несколько лет они уже все вместе

отправлялись на огромный книжный рынок и покупали все, что душе угодно — Воннегута, Сартра, Камю...

Господи, сколько книг! Надо как-то разобрать их, систематизировать. Влада перекрестилась, решительно взялась за перекладки стеллажа и резким движением потянула его на себя. Половинки разошлись. За ними была раздвижная дверь... Влада достала с верхней полки ключ, вставила в замок и трижды повернула его.

Прежде чем отворить дверь, она прильнула ухом к отполированному дереву. Мертвая тишина! Влада открыла дверь.

Какой контраст: освещенная последними лучами солнца гостиная — и душный полумрак узкой кельи с едва тлеющим огоньком лампы-бра, вмонтированной в потолок. Влада всматривалась в полумрак, пока не начала различать силуэт мужчины, неподвижно лежавшего в углу на большом матрасе.

Она тихо подошла к нему по мягкому поглощающему звуку ковра и присела рядом. Мужчина не шелохнулся. Влада сняла со стены круглое зеркало и снова присела возле скрюченной фигуры.

— Кто ты сейчас — Эго или Тень? — прошептала прямо в ухо.

Мужчина вздрогнул.

— Я — Тень, — покорно ответил он хриплым голосом, и его голова еще глубже ушла в плечи. — Оставь меня...

— Посмотри в зеркало! — велела женщина, хватая мужчину за плечо и силой разворачивая лицом к себе.

Он покорно повернулся. Влада поставила зеркало перед самым его лицом. Несколько секунд он сидел перед тусклой поверхностью с закрытыми глазами, покачиваясь, как китайский болванчик. Затем его отяжелевшие веки дрогнули и, словно каменные, медленно поползли вверх. Он посмотрел на отражение. Влада видела, как бездумный взгляд приобретает осмысление, как расправляются плечи. Вот он уже сам жадно ухватился за края зеркала и всматривается в него с надеждой.

Этот фокус с зеркалом Влада придумала сама: «Тень» является противоположностью «Эго». Чтобы снова стать Эго, Тень должна увидеть себя со стороны.

Влада не ошибалась. Макс медленно приходил в себя.

— Пошли, солнышко, тебе надо помыться — ванна готова, — ласково сказала Влада. — Потом поужинаем вместе. А пока выпей это.

Она протянула ему горсть разноцветных таблеток. Он вбросил их в рот все сразу, отведя ее руку со стаканом молока, и захрустел, тяжело

двигая челюстями. Пока в ванной текла вода, гудела бритва, Влада сделала последние штрихи в сервировке стола: откупорила вино, разложила белоснежные салфетки. В комнату уже заплыли фиолетовые сумерки с весенним запахом дождя и первой молодой листвы.

Макс вышел из ванной совсем свежий — в новой белой рубашке, которую она заранее там повесила, в голубых, тоже новых, джинсах. Его темно-каштановые волосы были влажными и гладко зачесанными назад. Синие тени вокруг глаз исчезли. Даже разгладились морщины у губ, казавшиеся глубокими бороздами в полумраке красной кельи.

— Ты хорошо выглядишь, — похвалила она. — Скоро тебе станет лучше, вот увидишь!

— Я долго спал? — спросил он.

— Сон — лучшее лекарство. Тебе нужно много спать, дорогой! — ушла от ответа Влада. — Садись, разлей, пожалуйста, вино...

Макс осторожно наклонил бутылку. Густые красные струйки медленно расплылись по хрустальным стенкам бокала.

— Кровь не рожденных... — улыбнулся он. — Сладкая и густая. Нектар небесный... Если ты не против, я выпью немного водки.

— Сегодня я не против, — согласилась Влада, поднимая свой бокал.

— И так?.. — он тоже поднял маленькую рюмку.

— За Жанну... — с опаской произнесла она, внимательно следя за его глазами. Но ничего ужасного не произошло — только едва заметно дрогнула его рука с рюмкой.

— Я рада, что ты спокоен, — сказала Влада. — Так и должно быть. Я все возьму на себя, а тебе надо выздоравливать, набираться сил... Ешь, дорогой. Здесь столько всего вкусного...

Он с удовольствием начал есть. Ел все почти одновременно — засовывал в рот листья салата, кусочки куриного мяса, рыбу, грибы, запивая минералкой. Ей было грустно и неловко смотреть на него.

Наконец Макс откинулся в кресле и закрыл глаза.

— Можно курить? — спросил.

Влада положила перед ним пачку длинных сигарет «EVE» и щелкнула зажигалкой...

Он, как и прежде, был утонченно красив, каждый его сознательный жест казался ей движением Кларка Гейбла. Сейчас он сидел с закрытыми глазами и выпускал из четко очерченных губ кольца дыма.

— Ты что-то написал? — решила она спросить. — Я видела у кровати рукопись... Покажешь?

Вопрос ему понравился. Влада поняла это по румянцу, который тут же проступил на его бледном лице. Она восприняла это как хороший знак и мигом бросилась к келье, принесла и положила перед ним листы бумаги.

— Почитаешь?

— Нет, я в эти игры больше не играю. Оставь себе — прочтешь позже сама, хорошо? — Макс бросил рукопись на диван и закурил еще одну сигарету.

«Это уже, наверное, лишнее...» — подумала Влада.

Ужин при свете двух длинных свечей, как всегда, показался ей фантазмагорическим. То, что происходило с ними обоими, порой напоминало Владе сцены из детских книжек вроде «Алисы в Стране чудес», — за столом не хватало лишь Кролика, Болванщика и Мышки-сони.

— О чем ты думаешь? — после паузы вновь спросила она.

— О деградации, — выдохнул он. — О де-гра-да-ци-и, которую не остановит даже белый воротничок.

— Ради бога, Макс... — поморщилась Влада. — Я обещаю — ты снова станешь сильным!

— Я уже думал об этом. И знаешь, до чего додумался? Я мог быть сильным только тогда, когда рядом была она. Но это была иллюзия силы.

Я — ничто! В маленькой девочке я искал прибежища... Жанна это понимала. Я убил ее своим малодушием. Если бы все вернуть...

Сигарета запрыгала в его сжатых пальцах, он не смог поднести ее к губам, помахал рукой где-то у виска и наконец раздавил окурок в пепельнице. Влада с беспокойством наблюдала за каждым его движением.

— Ты ни в чем не виноват, — тихо сказала она. — Тебя можно понять. Жанна была счастлива с тобой...

— Жанна... Жанна... — перебил он. — Я помню — сегодня два года, как ее нет с нами. Как ты думаешь, где она? Маленькая Жанна, в зеленом платье...

— Я найду ее. Я делаю все возможное, — спокойно произнесла она.

Макс вдруг вскочил, опрокидывая кресло, подбежал к ней и порывисто поднял с места, больно сжимая руки.

— Я хочу видеть Жанну! — закричал ей прямо в ухо. — Слышишь, в дверь звонят! Это она! Открой!

Он тряс ее так, что из прически выпали шпильки и волосы рассыпались по плечам. Она уже знала, что нужно переждать — это продлится секунду-две...

— Жанна? — обмяк он, пристально вглядываясь в ее лицо. — Жанна, Жанна, заведи меня отсюда!.. Это — не она! — наконец он отпустил Владу, и та чуть не упала на пол. Но не растерялась. Она знала, что делать. И сделала то, что когда-то сделала наугад: поднесла к лицу больного зеркало, которое всегда держала наготове. Макс съежился, будто сразу уменьшился вдвое, закрыл лицо ладонями: Это превращалось в Тень.

— Пошли, — сказала Влада, поправляя прическу. — Тебе уже пора спать.

Он покорно позволил взять себя за руку. Лишь на пороге комнаты тоскливо взглянул в окно, в котором висела большая полная луна. На ее фоне четко вырисовался женский силуэт — недостижимый, неземной. Появился и исчез. Макс вздрогнул, тяжелый стон сорвался с его губ...

Влада не вошла за ним — настроение было испорчено. Она знала, что он сам найдет свой матрас. Медленно прикрыла дверь, и его стройная фигура в белой рубашке растворилась в темноте. Влада сдвинула половинки стеллажа и бессильно сползла на пол. Из опрокинутой бутылки лилось на стол вино, и на скатерти расплывалось большое красное пятно...

Она просидела так не более десяти минут. Затем быстрым движением свернула запятнанную скатерть вместе с бутылкой и фужерами, швырнула все это в плетеную мусорную корзину, вытерла стол, разложила на нем письменные принадлежности. И задумалась над листом бумаги.

Влада давно уже запланировала написать очередное письмо родителям, и если не сделать этого сейчас, потом на это не будет ни времени, ни настроения. Письмо должно было быть, как всегда, кратким. Но и те десять-двадцать строк, которые она весь день прокручивала в уме, надо было как-то вымучить из себя.

«Здравствуйте, наши дорогие! — писала Влада. — У нас все нормально. Обидно, что мы пока не можем отправить вам достаточно денег, чтобы вы смогли к нам наконец приехать. Очень скучаем по вам, ведь давно не виделись. Надеемся, что как-нибудь и сами наведаемся... Но это тоже зависит от денег и свободного времени. Ведь ни того, ни другого пока что нет в нужном количестве. Вы просили сообщать обо всем, что с нами происходит. Итак, как прилежный секретарь нашего небольшого семейства со всей ответственностью сообщая: мы живы-здоровы (чего и вам желаем!). Жанночка работает там же —

в библиотеке, я устроилась на новую работу (вы же знаете, что долго на одном месте мне удержаться трудно), Макс время от времени имеет некоторый приработок. Вообще-то живем весело, не унываем. Как ваше здоровье, настроение?..»

На этом письмо должно было заканчиваться. Но Влада решила все же приписать «постскрипtum»: «Папа, я все время думаю о том странном иностранце, который приезжал к тебе четыре года назад. Не родственник ли он нам? Если это так, почему вы от него отреклись? А вдруг нас ждет какое-то наследство? Это было бы очень кстати. Пожалуйста, напиши мне. Если тебе неудобно, я сама все выясню и улажу...»

Шальная мысль о богатых иностранных родственниках не покидала ее давно — со времени того странного визита четырехлетней давности. Тогда, вспомнила Влада, красное вино так же пролилось на белую скатерть...

* * *

...Визит француза, назвавшегося Антуаном Флери, стал полной неожиданностью для семьи Олега Антоновича, отца Жанны и Влады. Ведь найти нужный дом в густонаселенном «спальном» районе для новичка (а тем более иностранца) было делом практически невозможным.

Сначала на пороге появился опрятно одетый молодой человек с казенной улыбкой на румянном лице. За его спиной маячила фигура еще одного незнакомца. Грузный, с элегантной сединой на висках, он с удивлением рассматривал размалеванные стены подъезда и время от времени утирал лоб белым шелковым платком.

— Извините, это квартира семьи Фарчук? — спросил молодой человек.

— Да, — растерянно ответила Влада.

— Господин Оливер дома?

От удивления Влада на миг замерла. Она совсем забыла, что имя отца по паспорту — Оливер, а не Олег, как его привыкли называть и на работе, и дома.

— Папа! К тебе! — крикнула Влада, не торопясь впускать гостей в прихожую: квартирka была хоть и трехкомнатная, но довольно убогая, и нежеланные гости в ней действительно были нежеланными.

Олег Антонович вышел, на ходу вытирая руки тряпкой, — он как раз чинил испорченный утюг.

— Месье Оливер Фарре? — выступил из-за спины молодого второй гость. Ему было лет шестьдесят. На его груди, как и у многих путешествующих иностранцев, висел фотоаппарат. Влада с огромным интересом наблюдала за

происходящим. Поймав ее взгляд, отец молча кивнул ей на дверь комнаты. Пришлось выйти.

Но Влада все равно слышала, как парень начал объяснять отцу, что его спутник приехал из Франции, из Парижа, что находится он здесь больше недели и все это время занимался поисками «мсье Оливера Фарре».

— Совсем меня замучил, — быстро добавил переводчик. — Пришлось поднять на ноги все адресные столы... Правда, слава богу, у него были некоторые сведения о вашем деде...

«Вот оно! — торжествовала Влада. — Я так и знала — иностранные родственники!»

Но отец ответил, что его фамилия Фарчук, поэтому, видимо, произошла какая-то досадная ошибка.

В дверную щель Влада увидела, что отец побледнел. Он держал гостей на пороге и, как испуганная курица, бил себя дрожащими руками по карманам в поисках сигареты.

— Говорю вам, это ошибка! — повторял он.

Затем захохотал иностранец.

— Дорогой друг, меня зовут Антуан Флери, — засеменял переводчик. — Я так долго вас искал. У меня есть для вас интересные предложения... Я вас умоляю — обратился он к отцу, — впустите его в квартиру, хоть чаю налейте! Если он пожалуется на меня — потеряю работу! Он

действительно ученый, а не разбойник с большой дороги... Я мечтал увидеть вас всю свою жизнь, — продолжал он выполнять свою работу. — Я приехал сюда ради вас!..

Лицо «мсье Антуана» покраснело, по нему крупными каплями стекал пот.

— Ольга! — крикнул отец жене каким-то чужим, глухим от волнения голосом. — Накрывай на стол, у нас гости! — и неопределенным жестом пригласил визитеров войти.

Чаепитие со странными посетителями растянулось на весь вечер. К столу были приглашены все члены семьи.

Жанна с Максом ничего не понимали, воспринимая событие как обременительную обязанность, помешавшую им закрыться как всегда в своей маленькой комнатке. Влада чувствовала, что происходит нечто не доступное пониманию, но очень интересное, и не сводила глаз с чужестранца.

Тот с удовольствием попивал дешевенький чай, потирал потные ладони, рассказывал о Париже. Но напряженность висела в воздухе, как тяжелый утренний туман. Беседу поддерживала мать. Отец курил и вертелся на стуле, будто через него время от времени пропускали электрический ток.

— Теперь он хочет говорить о деле... — наконец перевел молодой и облизал губы, настраиваясь на долгий разговор.

Тогда отец поднялся и, вопреки правилам этикета и гостеприимства, жестом приказал экзальтированному туристу идти за ним на кухню. Тот охотно вскочил. На этом чаепитие закончилось. Жанна и Макс, воспользовавшись моментом, тихо исчезли из-за стола, мать продолжала разговор с переводчиком. Лишь Влада не теряла бдительности и направилась в ванную комнату, которая граничила с кухней...

Она прижала стеклянную банку для зубных щеток доньшком к стене и припала к ней ухом. То, что она слышала, поразило ее до глубины души. Сначала что-то говорил гость. Влада, конечно же не понимала ни слова, кроме этой странной фамилии Фарре. Потом... А потом самодельный подслушивающий аппарат чуть не выпал из ее рук: медленно подбирая слова, заговорил Олег Антонович. Это был французский! Единственное, что смогла уловить Влада из его довольно ученической тирады, было слово «Non, non, pop!». Больше она ничего не поняла и выскользнула из ванной. С пылающим лицом вошла в комнату молодоженов.

Жанна и Макс как раз куда-то собирались.

— Что я вам сейчас расскажу... — загадочно начала Влада, устраиваясь на старенькой скрипучей тахте. — Наш папа прекрасно говорит по-французски!

— Я тоже прекрасно говорю по-английски, — улыбнулась Жанна, подкрашивая ресницы. — Могу рассказать о себе, о нашем городе... Что там мы еще проходили?

— Откуда он может знать французский? Даже если он учил его в школе — это же было давно, — добавил Максим. — Наверное, разговор был на уровне «да» — «нет». И вообще, что это за чудак, я не понимаю...

— Вы зануды! — обиделась Влада. — А вдруг во всем этом есть какая-то тайна?

— Ну, вот ты ее и разгадывай! — сказала Жанна. — Я готова! — обернулась она к мужу.

Они вышли из квартиры, а Влада присоединилась к матери, которая как раз спрашивала переводчика о его работе, об иностранцах, о Париже.

Наконец отец с гостем вышли из кухни. Влада заметила, что оба они раздражены. Антуан Флери дернул со стула свой пиджак, задел ним бутылку, которая стояла на столе. Мать бросилась сворачивать скатерть, переводчик тоже быстро поднялся и выскочил за своим подопечным в коридор, отец отправился в свою комнату, хлопнув дверью. Все это произошло молниеносно, как в ускоренном кино. Дверь за гостями пришлось закрывать Владе.

Уже стоя на пороге, французский гость забормотал что-то, гневно тыча пальцем в ободранные обои прихожей. Переводчик покраснел.

— Он говорит, что у вас могло бы быть все иначе... Если бы... Что? — обратился он к мсье Флери, но тот только сердито махнул рукой и вышел на лестницу. — Извините, до свидания! — успел крикнуть переводчик и побежал вниз за своим суровым хозяином.

— Ты что-нибудь поняла? — спросила Влада у матери, которая все еще возилась с испорченной скатертью.

— Разве ты не знаешь отца? — ответила та. — Из него слова не вытянешь... Цыганская душа!

Но теперь Влада знала наверняка: легенда о «цыганском происхождении» отцовского имени — вымысел, а причина его нелюдимости — в чем-то другом. Через год после этого случая родители собрались переезжать. Оба были уже на пенсии, в селе осталась пустая бабушкина хата, да и детям, считали они, надо освободить жилплощадь. Но Влада подозревала, что переезд так или иначе связан с тем странным визитом. Когда она прямо спросила об этом у отца, тот коротко ответил, что она мелет чепуху. И больше Влада на объяснениях не настаивала. А имела ли она вообще на это право? Этот вопрос всегда волновал ее...

Влада не знала, кто ее настоящие родители. Приемные мама с папой удочерили ее в неполных десять месяцев.

В двенадцать лет она уже знала, что они не родные. Родители решили не делать из этого тайны: постепенно, год за годом, они готовили девочку к неприятному известию, ведь лучше узнать это в собственной семье, чем из уст злобных доброжелателей. И Влада не очень расстроилась. Ей захотелось быть для родителей самой лучшей, самой послушной девочкой в мире. Тем более что почти сразу после долгой эпопеи с удочерением мать, давно потерявшая надежду иметь собственного ребенка, неожиданно забеременела. Врач объяснила это очень просто: нередко бывает так, что женщина, которая прошла все мыслимые и немыслимые курсы лечения, потеряв последнюю надежду, расслабляется, прекращает этот бесполезный марафон в погоне за хотя бы одной здоровой яйцеклеткой и... беременеет. Так случилось и с мамой. Влада понимала, что родители могли бы преспокойно отдать ее обратно, но мать сказала: «Этот ребенок принес нам надежду. Он — наш!» И это была правда. Владу и Жанну родители любили одинаково. Владе даже казалось, что они к ней внимательнее. То, за что Жанну ругали, ей

легко сходило с рук. И Влада жалела сестру. Она никогда не считала себя красивой. Точнее — не осмеливалась так считать. Особенно после того, как, увидев девочек во дворе, соседка сказала маме: «И в кого удалась Владка? Вот увидите, будет у Жанки всех кавалеров отбивать!» И Влада просто не могла себе позволить быть красивее сестры. Всегда туго стягивала волосы на затылке, не красила их и не делала макияжа. Правда, Жанна тоже не любила всех этих дамских штучек. Вкусы и взгляды у них были почти одинаковые.

И когда девятнадцатилетняя Жанна впервые привела домой Макса, у Влады перехватило дыхание: этот худощавый юноша с длинными пальцами и утонченными чертами нервного лица мог бы придать смысл ее жизни. Но в тот же миг она так же четко осознала и то, что этого не произойдет никогда. Что ее предназначение — быть ему сестрой. А когда родители решили переехать в деревню, возложила на себя миссию домохозяйки.

Она любила их обоих, более того — со временем она смирилась и стала любить саму их любовь. Эта вторая любовь оказалась сильнее, чем чувство к каждому из этой пары — в отдельности. И теперь, когда случилось несчастье, Влада чувствовала, что для полноценности этой любви не хватает ее второго участника — Жанны. Ее любовь утратила одно крыло...

...Дописав письмо родителям и старательно заклеив конверт, Влада задумалась. Что она на самом деле сделала, чтобы найти сестру — живой или мертвой? Дала себе клятву? Постоянно подгоняла следователя? Все это так, а что сделала сама? Было уже поздно. Влада прилегла на диван, укуталась в плед и почувствовала под своим локтем жесткую пачку бумаги. Очередное творение Макса! Она о нем забыла... Преодолевая сон, Влада включила бра над головой. Надо почитать. Хотя бы ради того, чтобы знать, прогрессирует ли болезнь.

Она с грустью вспомнила недавние времена, когда на Макса неожиданно свалился успех — его начали печатать, приглашать на телепередачи и подкарауливать, чтобы взять интервью или сфотографировать в приватной обстановке.

В одной из газет даже появилась непристойная заметка о том, что молодой гений живет сразу с двумя женщинами. Но это была обратная сторона признания.

Влада находилась тогда на вершине блаженства. Она не могла понять, почему Макс отказывается принимать журналистов, почему избегает общения с коллегами-писателями и все чаще закрывается в своем кабинете (тогда квартира еще не была студией).

Жанна объяснила: Макс пишет новый роман, но то, что он дал ей почитать, не похоже на первые

вещи. «Я даже боюсь... — сказала Жанна, — не надо его сейчас трогать». И новый роман Макса стал для Влады ребенком, которого она помогала рожать как могла: беспокоилась о здоровье «отца», о порядке в доме и калорийности пищи. И тогда, два года назад, когда все пошло кувырком, у Влады было такое чувство, будто этого несчастного ребенка отдали в детский дом, а возможно, еще хуже — в руки извращенца-педофила.

«Нет, я не могу об этом вспоминать! — запретила себе грустные мысли Влада. — Лучше почитаю».

Она взяла листок, и сердце сжалось при виде круглого неразборчивого детского почерка, такого непохожего на прежний четкий, почти каллиграфический, почерк Макса.

«Белые нитки» — прочитала заголовок Влада и, закурив, углубилась в манускрипт:

«...Они шьют белыми нитками. Все видят, что ОНИ шьют белыми нитками. Но не решаются сказать об этом вслух. Ведь и сами — шьют белыми нитками. Цвет непорочности! Мы все шьем белыми нитками. Это похоже на громадный швейный цех. Вот — белые нитки (горы белых ниток!) — только бери. И шей. И шьем. Пришиваемся друг к другу. Стоит только зазеваться, как видишь — к тебе в троллейбусе уже пришил дядя с сумкой — слева, справа —